

ТОЛСТОВСКИЕ МОТИВЫ В ТРАКТАТЕ Ф. НИЦШЕ «АНТИХРИСТ»

И.И. ЕВЛАМПИЕВ

По отношению к двум великим мыслителям XIX в. уже давно сложились устойчивые стереотипы восприятия, в согласии с которыми они предстают совершенно противоположными по своим идейным устремлениям, в особенности если иметь в виду их религиозность, их отношение к христианству. Л. Толстой при всем его расхождении с учением исторической христианской церкви признается безусловно христианским мыслителем, в то время как Ф. Ницше имеет в общественном мнении авторитет «нигилиста» и «атеиста». Тем не менее мы попытаемся обосновать сходство их представлений о религиозных основаниях культуры, тем более что аргументы для этого дают некоторые русские философы начала XX в., которые проницательно увидели весьма неоднозначное отношение Ницше к христианству (С. Франк, А. Белый) и определенное сходство религиозных исканий Ницше и великого русского писателя (Л. Шестов).

Первостепенное значение в данном случае имеет своего рода «эмпирический факт», подтверждающий несомненную близость размышлений Толстого и Ницше о христианстве, причем в этом контексте необходимо вспомнить и о Достоевском. Этот «факт» связан с замыслом и воплощением позднего трактата Ницше, посвященного христианству. Опубликованные только в 70-е годы XX в. рабочие тетради Ницше показали, что его путь к «Антихристу» во многом был связан с чтением двух книг, подтолкнувших его к созданию этого сочинения в том виде, который нам известен. Эти две книги — «В чем моя вера?» Л. Толстого и «Бесы» Ф. Достоевского. Но идеи Достоевского достаточно сложно преломились в тексте «Антихриста», поэтому этот вектор влияния не лежит на поверхности. Книга Толстого произвела на Ницше гораздо более прямое и ясное впечатление, которое непосредственно отразилось в его рассуждениях об историческом христианстве и его противоположности учению Иисуса Христа. Внимательный анализ тех фрагментов книги Толстого, которые Ницше выписывает в свою рабочую тетрадь, ясно показывает, что он очень хорошо понял общую логику размышлений Толстого и полностью согласился с ней.

Прежде чем говорить о том, что в качестве наиболее важного для себя выделил Ницше в книге Толстого, необходимо понять, что в ней является *объективно главным*, а что второстепенным — ведь и среди сторонников Толстого, и среди его критиков такое правильное понимание не всегда присутствует. При рассмотрении религиозного учения Толстого всегда первым делом обращают внимание на то,

что для него христианство оказывается чисто моральным учением, лишенным *мистического*, т.е. подлинно религиозного содержания. В этом случае критиковать позицию Толстого достаточно легко, и соответственно легко пренебречь ею как чем-то малозначимым для развития европейского общества и европейской культуры. На деле «морализм» Толстого — совершенно очевидный и бесспорный — не является центральным пунктом его отношения к христианству, это скорее нечто вторичное и конкретное по сравнению с самым главным и принципиальным в его учении, по сравнению с тем, что составляет непреходящее значение этого учения и что остается абсолютно актуальным и верным в наши дни так же, как в эпоху Толстого.

Критика исторического христианства в книге Л. Толстого «В чем моя вера?»

Исходное и самое принципиальное в учении Толстого — это его общая оценка исторического христианства, преодолевающая многовековые стереотипы, которые столь упорно и методично, на протяжении столетий, навязывались церковными идеологами, что, в конце концов, стали как бы «самоочевидными», не предполагающими никакого обсуждения. Быть может, главное качество Толстого в этом контексте — это его тонкое понимание жизни, в ее самых обыденных проявлениях и в ее глубочайшей сущности, — качество, благодаря которому он и стал великим писателем, знатоком человеческих душ. Безусловно не являясь сильным мыслителем (что и обуславливает легкость критики его религиозно-философских взглядов), Толстой дает пример гениального «простеца», выразителя тех важнейших идей, обосновывающих нашу жизнь, которые почему-то не замечают «мудрецы». Проницательно взглядываясь в концепцию жизни, созданную христианской церковью, Толстой видит ее абсолютное несоответствие потребностям живых людей и живой жизни, которой он причастен и которую он глубоко понимает. Собственно говоря, это несоответствие чувствовали и чувствуют огромное число людей — и в эпоху Толстого и позже. Именно эти глубоко чувствующие и ищущие люди, не удовлетворяющиеся тем, что им диктуют авторитет и среда, и породили то антицерковное, антиклерикальное и антирелигиозное движение последних трех столетий, которое привело европейское общество к его современному состоянию, когда религия и церковь уже не играют никакой содержательной роли в жизни европейцев, превратившись в такие же «симулякры», как и многие другие традиционные ценности. Трагизм всего этого движения заключается в том, что, рожденное людьми, глубоко возмущенными многовековой ложью, сковывающей жизнь, оно очень быстро стало орудием, направленным против самой жизни, против главного в ней. Борьба с ложной формой религиозности превратилась в борьбу с религиозно-

стью как таковой, т.е. с *духовным измерением жизни*. Результатом этого стало абсолютное господство материальных ценностей и невиданная деградация культуры. Поскольку без какого-то бога человек жить не может, уничтожение всех традиционных богов привело к тому, что современная цивилизация окончательно приняла «бога-брюхо», по меткому выражению Достоевского.

Самые проникательные критики церкви видели эту опасность полного «обезбоживания» жизни и, выступая против господствующей религии, настойчиво призывали к религиозному обновлению, к поиску новых, точнее, *истинных* религиозных представлений, которые соответствовали бы требованиям жизни и культуры, развитию цивилизации. Толстой, безусловно, должен быть назван первым среди таких искателей истинной религии, поскольку он с предельной откровенностью рассказал о том, как от отрицания религии он пришел к принятию религиозной веры, которую он в конце концов нашел в истоках христианства. Толстой настолько наглядно демонстрирует путь человека, который пытается самостоятельно понять суть религиозных, христианских представлений и хочет принять веру — но только веру «зрячую», разумную, помогающую понять свою жизнь и сделать ее более гармоничной и богатой — что после него любой, кто ставит перед собой те же цели, просто обязан пройти его путем. «Я не толковать хочу учение Христа, я хочу только рассказать, как я понял то, что есть самого простого, ясного, понятного и несомненного, обращенного ко всем людям в учении Христа, и как то, что я понял, перевернуло мою душу и дало мне спокойствие и счастье»¹¹.

В «Исповеди» и в книге «В чем моя вера?» Толстой рассказывает, как от юношеской бездумной поглощенностью жизнью он перешел к желанию понять жизнь — и свою жизнь и жизнь вообще — и в конце концов, уже будучи зрелым человеком, понял, что это можно сделать только через религию. И он принял церковь и ее учение: «Я перешел от нигилизма к церкви только потому, что осознал невозможность жизни без веры, без знания того, что хорошо и дурно помимо моих животных инстинктов. Знание это я думал найти в христианстве. Но христианство, как оно представлялось мне тогда, было только известное настроение — очень неопределенное, из которого не вытекали ясные и обязательные правила жизни. И за этими правилами я обратился к церкви»².

Но чем больше он всматривался в то, чему учит церковь, тем больше разочаровывался в своем стремлении найти в ней истину о жизни, более того, он все больше чувствовал противоречие между этим учением и тем ощущением чего-то очень важного и значимого, которое он с детства испытывал в отношении евангельских проповедей Иисуса Христа: «...подчинив себя церкви, я скоро заметил, что я не найду в учении церкви подтверждения, уяснения тех начал христианства,

которые казались для меня главными; я заметил, что эта дорогая мне сущность христианства не составляет главного в учении церкви. Я заметил, что то, что представлялось мне важнейшим в учении Христа, не признается церковью самым важным. Самым важным церковью признается другое»³.

Далее Толстой подробно разбирает Нагорную проповедь Христа — тот элемент Евангелий, который особенно поразил его и в котором он увидел центр всего христианского учения. Вопреки утверждениям богословов о том, что Иисус Христос не отвергал полностью иудейскую, ветхозаветную религию, «религию закона и пророков», а лишь дополнил ее новыми элементами, Толстой убедительно показывает, что глубокое и непредвзятое понимание учения Христа невозможно без усмотрения его абсолютной противоположности всем главным положениям иудаизма (за исключением самого общего положения о том, что религия держится на любви к Богу и ближним). «По всем церковным толкованиям, особенно с пятого века, Христос не нарушал писанный закон, а утверждал его. Но как он утвердил его? Как может быть соединен закон Христа с законом Моисея?»⁴ — риторически вопрошает Толстой и констатирует, что мы не находим на него ясного ответа в церковной традиции, лишь одни искажения и подтасовки, чтобы создать хотя бы видимость согласования ветхозаветного закона и «закона» Христа. В то же время для любого непредвзятого разумного человека здесь все ясно: «Христос отвергает закон Моисея, дает свой. Для человека, верующего Христу, нет никакого противоречия. Он и не обращает никакого внимания на закон Моисея, а верует в закон Христа и исполняет его. Для человека, верующего закону Моисея, тоже нет никакого противоречия. Евреи признают слова Христа пустыми и верят закону Моисея. Противоречие является только для тех, которые хотят жить по закону Моисея, а уверяют себя и других, что они верят закону Христа, — для тех, которых Христос называл лицемерами, порождениями ехидны»⁵.

Закон Моисея — это закон национального эгоизма, являющегося естественным продолжением эгоизма отдельной личности, он предписывает любить «ближнего», под которым подразумевается только соплеменник, и ненавидеть «врага», т.е. человека любой другой народности; в противоположность этому «закон» Христа требует любви к каждому человеку, независимо от его национального и иного статуса. Закон Моисея требует воздавать за зло злом, т.е. действовать в соответствии с устоявшимся порядком нашего мира, основанном на силе, власти и авторитете; «закон» Христа отвергает основы существующего общества и требует отвечать любовью и кротостью на зло и насилие. Все положения Нагорной проповеди Толстой интерпретирует именно как требования, противоположные требованиям закона Моисея. Но это ведет к важнейшему выводу о смысле того нового «закона»,

который Христос провозглашает против существующего иудейского закона. Если закон Моисея закрепляет, увековечивает сложившийся, реальный порядок жизни, то «закон» Христа направлен на то, чтобы *преобразить* реальный и глубоко несовершенный мир людей к совершенному состоянию. Христос не только видит некий идеал человеческого бытия, он требует от людей изменения своей жизни ради того, чтобы этот идеал стал реальным, чтобы их жизнь преобразилась в соответствии с ним. «Все учение Христа состоит в том, чтобы дать Царство Бога — мир людям... Стоит людям поверить учению Христа и исполнять его, и мир будет на земле, и мир не такой, какой устраивается людьми, временный, случайный, но мир общий, ненарушимый, вечный»⁶.

Согласно Толстому, в оценке роли идеала расхождение между церковной версией христианства и его подлинным истоком, учением самого Иисуса Христа, особенно выразительно. Церковь категорически не приемлет идеи совершенства земного человека и земного мира, тем более она не признает, что сам человек может (через исполнение заповедей Христа) изменить свое состояние с несовершенного на совершенное. Мало того, она заставляет человека отказаться от желания изменить свое несовершенное состояние и делает она это с помощью мифа о потустороннем блаженстве, о рае, ожидающем «правильных» христиан после смерти. И в этом смысле, утверждает Толстой, церковь не просто искажает учение Христа, она действует *против* Христа, она направляет все свои усилия на то, чтобы люди не смогли правильно понять и реализовать то, чему учит Христос. «Церковь говорит: учение Христа неисполнимо потому, что жизнь здешняя есть образчик жизни настоящей; она хороша быть не может, она вся есть зло. Наилучшее средство прожить эту жизнь состоит в том, чтобы презирать ее и жить верою (т.е. воображением) в жизнь будущую, блаженную, вечную; а здесь жить — как живется, и молиться»⁷.

Вставая на сторону Христа против церкви, Толстой отвергает идею посмертного блаженства в «раю», и поскольку эта идея для него тождественна идее бессмертия человека, он отвергает идею бессмертия: «...никогда Христос не только ни одним словом не утверждал личное воскресение и бессмертие личности за гробом, но и тому восстановлению мертвых в царстве Мессии, которое основали фарисеи, придавал значение, исключаящее представление о личном воскресении»⁸. Согласно Толстому, та вечная жизнь, о которой говорит Христос, есть общечеловеческая жизнь, жизнь в преемственности поколений, но никакого бессмертия отдельной личности в идее такой жизни не предполагается. «Христос противопоставляет личной жизни не загробную жизнь, а жизнь общую, связанную с жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человечества, жизнь сына человеческого»⁹. «Царствие небесное» не по ту сторону нашей земной жизни, это и есть

сама земная, посясторонняя, *смертная* жизнь человека и человечества, но только преображенная к состоянию совершенства, к состоянию «мира». Личное бессмертие не может быть целью этого преображения жизни хотя бы потому, что учение Христа отвергает приоритет личной жизни над общественной, подчиняясь этому учению мы должны отказаться от всего личного и частного, должны подчинить свою жизнь общей жизни и общим целям человечества. Как констатирует Толстой, «смысл жизни человеческой не в личном счастье, а в служении всем, в унижении перед всеми. Человек не затем живет, чтобы ему служили, а затем, чтобы самому служить и отдавать свою личную жизнь, как выкуп за всех»¹⁰.

Такова общая схема учения Толстого, нацеленного против исторической христианской церкви и за восстановление подлинного, неискаженного учения Иисуса Христа. В этих рассуждениях великого писателя содержится глубокая правда, и эту правду не может не принять каждый, кто размышляет на ту же тему и пытается понять, в силу каких причин человечество встало на ложный путь и как можно заставить его свернуть с этого пути. К числу таких искателей правды принадлежал и Фридрих Ницше, поэтому и он, столкнувшись с мнением Толстого, не мог не согласиться с ним. Повторим уже высказанную ранее мысль: именно чтение книги Толстого стало для немецкого философа одним из главных факторов, заставивших его до конца продумать свое отношение к христианству и сформулировать его в своем трактате «Антихрист».

Отражении идей Толстого

в рабочих тетрадах Ницше и в тексте «Антихриста»

В рабочей тетради Ницше, датированной концом 1887 — началом 1888 гг., содержится целый ряд выписок и переложений фрагментов книги Толстого «В чем моя вера?» Чрезвычайно показательно сопоставление тех суждений Ницше о христианстве, которые были записаны им до того, как он начал работать над книгой Толстого, и тех, которые он почерпнул у Толстого и затем *принял как собственные* и перенес в текст «Антихриста». В некоторых моментах мы видим *кардинальное* изменение позиции Ницше, причем совершенно очевидно, что это произошло именно после внимательного прочтения книги Толстого.

Прежде всего стоит заметить, что буквально за десяток страниц до начала выписок из книги «В чем моя вера?» Ницше высказывает свое отношение к Толстому, и видно, что это отношение крайне негативно, причем совершенно очевидно, что Ницше еще не знаком с сочинениями Толстого, он использует его имя, подразумевая расхожий стереотип, согласно которому Толстой — это воплощение общехристианской позиции «сострадания». Говоря о главных раз-

новидностях пессимизма, которые он рассматривает в качестве умонастроений, препятствующих реализации подлинной силы человека (его воли к власти) и презрительно замечая, что «все без исключения относящиеся сюда психологические состояния можно наблюдать в сумасшедшем доме»¹¹, Ницше затем задумывается о некоторых «пограничных» формах пессимизма, и, в конце концов, и их относит к категории «разложения и болезни»:

«Но куда отнести *моральный пессимизм* Паскаля?

метафизический пессимизм философии

веданты?

социальный пессимизм анархистов

(или Шелли)?

сострадательный пессимизм

(как у Толстого или Альфреда де Вины)?

— разве все это не равным образом феномены разложения и болезни?.. Крайнее сверхсерьезное восприятие моральных ценностей, или вымыслов о “том свете”, или социальных бедствий, или *страдания* вообще: всякое подобное *преувеличение отдельно взятой точки зрения* — уже само по себе признак заболевания. Равным образом и преобладание *Нет* над *Да!*»¹²

Толстой для Ницше — это традиционный христианский моралист, который разделяет все общеизвестные христианские представления. Обратим внимание на презрительное упоминание Ницше «вымыслов о “том свете”»; кажется, что эти слова относятся к метафизическому пессимизму веданты, однако очевидно, что идея «того света» в буквальном смысле понятна только в христианском контексте, поэтому скорее всего это высказывание Ницше относит к формам пессимизма, имеющим христианские истоки, т.е. и к Толстому в том числе.

Суждения о самом христианстве, которые формулируются Ницше до начала работы над книгой Толстого, носят исключительно отрицательный характер, причем Ницше не видит никакого различия между историческим христианством и собственным учением Иисуса Христа. Размышляя о характерном «типе» проповедника, Ницше утверждает, что это есть тип «великой посредственности», причем он относит к этому «типу» и самого Иисуса Христа: «...основоположник христианства тоже должен был быть чем-то вроде “la perfection de la médiocrité”. Стоит лишь сплотить в *личность* положения пресловутого евангелия Нагорной проповеди — и у нас уже не останется сомнений насчет того, почему как раз такой пастырь и нагорный проповедник прельстительно влиял на всевозможные *стадные натуры*»¹³.

Ницше постоянно повторяет, что видит своей целью борьбу с идеалом человека, порожденным христианством и напрямую связанным с Нагорной проповедью Христа и с верой в личное бессмертие, которое, как верят христиане, обеспечивается исполнением моральных норм.

Все это для Ницше есть выражение «стадного» типа человека, т.е. того, что доступно каждому и не только не ведет человека к раскрытию своей сущности, но, напротив, препятствует такому раскрытию. «Христианству вовек нельзя простить, что оно погубило таких людей, как Паскаль. Вовек нельзя прекращать борьбы именно с тем в христианстве, что оно норовит сломить как раз самые сильные и благородные души. Нельзя давать себе покоя, пока в корне не разрушено одно: идеал человека, изобретенный христианством»¹⁴.

Но вот Ницше начинает работать над книгой Толстого. Внимательно читая его высказывания, в которых он осмысливает и по-своему развивает почерпнутые у Толстого идеи, мы с удивлением замечаем, что он резко меняет свое понимание истории христианства и, самое главное, свои оценки учения Иисуса Христа. Прежде всего, теперь он вслед за Толстым не просто усматривает в учении Христа нечто отличное от исторического христианства церкви — он полагает его полной противоположностью церковному учению! Ницше выписывает из французского издания книги Толстого ряд фраз (в собственном изложении), выражающих именно эту мысль; в первой из них утверждается, что «церковь есть именно то, против чего агитировал Иисус — и против чего учил бороться своих учеников»¹⁵. Характерно, что Ницше не останавливается на этом тезисе, принадлежащем Толстому, а резко усиливает его смысл, и это уже безусловно его собственное суждение: «Если непонятно, что церковь — не просто карикатура на христианство, но и вообще — *организованная война против христианства...*»¹⁶

И далее мы находим уже полностью самостоятельное суждение Ницше, которое особенно важно тем, что оно будет почти дословно воспроизведено в тексте «Антихриста» (раздел 27): «Я не знаю, против чего иного могло быть направлено восстание, зачинщиком которого является Иисус, если не против иудейской церкви, — понимая “церковь” в точно таком же смысле, какой вкладывается в это слово теперь... Этот святой анархист, призвавший к противодействию “господствующему сословию” подлый люд, отверженных и “грешников”, — речами, которые еще и сегодня кого угодно довели бы до Сибири, — был политическим преступником, насколько политическое преступление вообще было возможно при данных обстоятельствах. За то и попал он на крест: свидетельство этому — надпись на кресте: царь иудейский. Нет ни малейших оснований вместе с Павлом утверждать, будто Иисус умер “за грехи других”... он умер за свой собственный “грех”»¹⁷.

В этом собственном высказывании Ницше по-прежнему просвечивают идеи русского писателя, ведь в своей книге Толстой целый раздел посвящает доказательству ложности церковной точки зрения о том, что Христос не отрицал иудейского закона (закона Моисея) и всей организации жизни народа, заданной этим законом и иудейской

церковью. Выше уже приводилась цитата из книги Толстого по этому поводу, можно добавить еще следующее суждение: «Мы очень хорошо знаем, что учение Христа всегда обнимало и обнимает, отрицая их, все те заблуждения людские, те “тогу”, пустые идола, которые мы, назвав их церковью, государством, культурой, наукою, искусством, цивилизацией, думаем выгородить из ряда заблуждений. Но Христос против них-то и говорит, не выгораживая никаких “тогу”. / Не только Христос, но все пророки еврейские — Иоанн Креститель, все истинные мудрецы мира об этой-то самой церкви, об этом самом государстве, об этой самой культуре, цивилизации и говорят, называя злом и погибелью людей»¹⁸. Как видно, Толстой также видит в Христе «святого анархиста», отрицающего все установления церкви, государства и культуры, причем это отрицание Толстой считает возможным распространить и на современное состояние общества.

Особенно выразительным штрихом в высказывании Ницше является упоминание «Сибири», здесь наиболее явно сказался толстовский контекст размышлений немецкого философа, придающий его новому образу Иисуса Христа очевидный «русский» колорит.

Самый явный результат происходящего в воззрениях Ницше переворота — это раздвоение понятия христианства. Если церковь есть «организованная война против *христианства*», то, несомненно, христианство самой церкви нужно отличать и противопоставлять христианству как таковому, или *истинному* христианству, которое Ницше оценивает теперь совершенно иначе, чем раньше; все ранее сформулированные им оценки теперь он относит только к христианству церкви. Истинное же христианство, связанное с учением самого Иисуса Христа, Ницше теперь понимает если и не полностью совпадающим с его собственными представлениями о смысле и целях человеческой жизни, то все-таки направленным в сторону «возвышения» человека, а вовсе не в сторону «разложения и болезни».

Чрезвычайно важное значение в этом контексте имеет еще одно высказывание Толстого, которое Ницше выписывает по-французски из французского издания книги «В чем моя вера?» (в русском издании черновики Ницше эта фраза дана по исходному тексту книги Толстого): «Раздвоение между объяснением веры, которое названо верою, и самою верою, которая названа общественною, государственною жизнью, дошло теперь до последней степени, и все цивилизованное большинство людей осталось для жизни с одной верой в городского и урядника. Положение это было бы ужасно, если бы оно вполне было таково. Но, к счастью, и в наше время есть люди, лучшие люди нашего времени, которые не довольствуются такою верою и имеют свою веру в то, как должны жить люди. Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, неверующими людьми, а между тем это единственные верующие люди нашего времени и не только

верующие вообще, но верующие именно в учение Христа, если не во все учение, то хотя бы в малую часть его... Часто даже они ненавидят Христа... Как бы ни гнали этих людей, как бы ни клеветали на них, но это единственные люди, не покоряющиеся безропотно всему, что велят, и потому это — единственные люди нашего мира, живущие не животною, а разумною жизнью, — единственные верующие люди»¹⁹.

Ницше прямо не высказывает отношения к этому суждению Толстого, но это отношение вполне очевидно. Теперь истинное христианство, основанное на неискаженном учении Иисуса Христа, он, вслед за Толстым, понимает как мировоззрение «лучших людей», т.е. тех самых людей, к которым он обращается со своей философией. В контексте этой мысли Толстого, принимаемой Ницше, уже не выглядит столь удивительным один из *центральных* тезисов «Антихриста»: «До бессмыслицы лживо в “вере” видеть примету христианина, хотя бы то была вера в спасение через Христа; христианской может быть только христианская *практика*, т.е. такая жизнь, какою *жил* тот, кто умер на кресте... Еще теперь возможна *такая* жизнь, для *известных* людей даже необходима: истинное, первоначальное христианство возможно во все времена»²⁰. Несомненно, «известные люди» в данном контексте — это те, кто следует заветам Заратустры, а жизнь и практика (христианская!), о которой здесь говорится, это именно то, к чему призывает Ницше.

В связи с этим совершенно очевидные изменения претерпевает точка зрения Ницше на христианский «идеал» человека, с которым он ранее предполагал непримиримо бороться. Теперь его борьба относится только к *церковному* идеалу, в то время как представление о человеке, которое заложено в учении Христа, оценивается Ницше вполне позитивно. Он выводит Толстого и самого Христа за рамки «пессимизма», который препятствует раскрытию воли к власти в человеке, теперь Ницше связывает его с искажением учения Христа, осуществленным церковью: «“Христианство” сделалось чем-то в корне отличным от того, что вершил и хотел его основатель... это пришествие пессимизма, в то время как Иисус желал принести мир и счастье для агнцев... »²¹ («мир» и «счастье» — ключевые понятия, используемые Толстым для описаний того образа жизни, к которому призывал Иисус). Напомним, что сам Толстой, описывая истинное понимание учения Иисуса, подчеркивает, что он не провозглашает никакого запредельного «идеала», а призывает к тому, чтобы изменить свою *ложную* жизнь и перейти к *истинной* жизни: «...он <Иисус> понимал свое учение не как какой-то далекий идеал человечества, исполнение которого невозможно, не как мечтательные поэтические фантазии, которыми он пленял простодушных жителей Галилеи; он понимал свое учение как дело, такое дело, которое спасет человечество, и он не мечтал на кресте, а кричал и умер за свое учение»²².

Как уже говорилось выше, именно такое перемещение идеала в саму реальную жизнь наиболее радикально разводит Толстого с церковным христианством, которое помещает указанный идеал в «потустороннюю» реальность. Но как раз этот пункт оказывается самой важной точкой совпадения взглядов Толстого и Ницше. Можно представить, сколь неожиданным для Ницше было обнаружить, что Толстой вовсе не является сторонником «вымыслов о “том свете”», как он полагал ранее, что он, точно так же как сам Ницше, считает эти «вымыслы» главной негативной чертой церковного христианства и противопоставляет им идею *преображения реальной жизни к совершенству*. Именно это поразительное открытие в отношении взглядов Толстого заставило Ницше еще более решительно изменить свою оценку учения Иисуса Христа. Главным пунктом критики христианства для Ницше всегда была идея «того света», идея бессмертия как существования в потусторонней реальности, противостоящей земной реальности и лишаящей ее существенного значения (если есть «рай», то земная жизнь ничтожна в сравнении с ним). Поняв, что Толстой вовсе не солидарен с этим представлением и что в этом смысле они с ним не противники, а единомышленники, Ницше, внимательно вчитываясь в соответствующие рассуждения Толстого, вынужден в итоге согласиться с его мыслью о том, что этого ложного представления *нет и у самого Иисуса Христа*.

Это оказывается самым существенным пунктом тех изменений, которые происходят во взглядах Ницше на христианство в связи с чтением книги Толстого «В чем моя вера?». Признавая теперь, что в учении самого Христа не было идеи «потусторонней» реальности и вовсе не в обещании бессмертного бытия в этой реальности состоит главное содержание того «благовестия», который принес Христос, Ницше вынужден задуматься над двумя важнейшими вопросами: в чем же тогда на самом деле состоит «благовестие» Иисуса? И каким образом это подлинное «благовестие» оказалось полностью искаженным и утраченным в историческом христианстве?

В решении второго вопроса Ницше полностью следует за Толстым. Последний в своей книге утверждает, что роковую роль в исторической судьбе учения Христа сыграл апостол Павел: «Разрыв между учением о жизни и объяснением жизни начался с проповеди Павла, не знавшего этического учения, выраженного в Евангелии Матфея, и проповедовавшего чуждую Христу метафизическо-кабалистическую теорию... это метафизическое учение с сопутствующими ему обрядами, все более и более отклоняясь от основного смысла своего, доходит до того, до чего оно дошло теперь: до учения, которое объясняет самые недоступные разуму человеческому тайны жизни небесной, дает сложнейшие обряды богослужебные, но не дает *никакого* религиозного учения о жизни земной»²³. Ницше подхватывает и развивает

эту мысль, утверждая, что уже ближайшие ученики и последователи Христа резко изменили смысл его учения за счет перемещения идеала совершенной жизни из земной реальности в «потустороннюю». Он ясно противопоставляет истинное христианство Иисуса Христа и ложное христианство церкви именно по этому самому главному пункту и ответственность за возникновение этого противостояния возлагает на Павла («рокового упрянца» следующей цитаты): «Никакого Бога, умершего за грехи наши; никакого искупления верой; никакого воскресения из мертвых — все это фабрикация фальшивой монеты из доподлинного христианства, ответственным за которую нужно признать того рокового упрянца...»²⁴ И далее еще более ясно: «Павел, инстинктивно угадав потребности неиудеев, перевел те великие символы первоначального христианского движения в нечто осязаемое и несимволическое: во-первых, противоположность истинной и ложной жизни он переделал в противоположность земной и небесной, потусторонней жизни, мостиком к которой служит смерть...»²⁵ В результате именно эта тема становится самой заметной в окончательном тексте «Антихриста»; Ницше выстраивает детальную аналитику процесса искажения «благовестия» Христа, осуществленного Павлом и его последователями, орудиями такого искажения является ложная метафизика «потустороннего» мира и выдвижение на первый план представления о греховности человека, препятствующей какому бы то ни было изменению земной жизни в сторону совершенства. Можно уверенно утверждать, что в этой (самой объемной!) части своего трактата Ницше всецело опирается на идеи, почерпнутые из книги Толстого, и если и отступает где-то от следования им, то только для того, чтобы еще более резко, чем Толстой, осудить историческое христианство²⁶.

Расхождение Ницше с Толстым и влияние Достоевского

Тем не менее наиболее интересной и оригинальной составляющей «Антихриста» является не критика исторического христианства, а попытка Ницше ответить на первый из поставленных выше вопросов, попытка по-своему понять суть «благовестия», принесенного Иисусом Христом. Хотя сама постановка этого вопроса, как мы показали, была обусловлена восприятием религиозной концепции Толстого, нельзя сказать, что и ответ на этот вопрос Ницше также заимствует у Толстого. В данном случае совершенно очевидно сказывается влияние второго из главных «источников» ницшевского «Антихриста» — романа Достоевского «Бесы», из которого Ницше делает выписки вслед за выписками из книги Толстого.

Ницше расходится здесь с Толстым именно потому, что последний все содержание подлинного учения Иисуса Христа сводит к моральным заповедям и тем самым ликвидирует в нем собственно

религиозный аспект. Как ни понимать религию, она всегда подразумевает некую связь конечного человека с абсолютным и бесконечным началом всего существующего, она всегда должна включать в себя *мистический* акт — раскрытие области абсолютного. Но именно против всего «мистического» категорически возражает Толстой. Хотя он позитивно оценивает христианскую концепцию обожения человека, он интерпретирует ее совершенно не так, как это делали мистики всех времен и народов — и те, кто был в согласии с церковью, и те, кто противостояли ей (в еретических течениях). Он принимает «обожение» не в буквальном смысле, как раскрытие в человеке абсолютного, божественного измерения, а как метафору перехода от ложной жизни к жизни истинной, причем сама разница этих форм жизни определяется исключительно тем, каким правилам и моральным заповедям подчинен человек. В результате, в концепции Толстого человек оказывается *только* конечным и ограниченным существом, вне зависимости от того, обладает он подлинной религиозностью или нет. Наиболее радикальным свидетельством этой сущностной конечности человека оказывается смерть, никакого бессмертия, как мы видели выше, Толстой не признает.

На первый взгляд кажется, что Ницше полностью разделяет последнее убеждение Толстого, однако более внимательное прочтение его текстов приводит к совсем иному выводу. Сделав борьбу с «метафизическими мирами» важнейшей тенденцией своей философии, Ницше в определенный момент своего развития осознал, что полностью лишив человека абсолютного измерения, он скатится к плоскому позитивизму и уничтожит основу для своей новаторской антропологии, помещающей человека на место «умершего Бога». И Ницше возвращается к идее абсолютности человека, выражающейся в идее *бессмертия*, причем по-новому понятая идея бессмертия становится *центром* его философии. В качестве новой версии идеи бессмертия Ницше принимает *идею вечного возвращения*, которую М. Хайдеггер пронизательно назвал свидетельством «посюсторонней» религиозности Ницше²⁷. В результате, уже в эпоху написания своего главного трактата «Так говорил Заратустра» Ницше сближается с Достоевским, который раньше немецкого мыслителя подверг уничтожающей критике традиционную религиозность и начал поиски *подлинной* религиозности и *подлинной* веры²⁸.

Но именно поэтому, работая над «Антихристом» и поставив перед собой задачу выявить подлинный смысл учения Иисуса Христа, Ницше не мог следовать за Толстым в его стремлении свести «благовестие» Христа к набору моральных принципов. Свое понимание образа Христа он берет из романа Достоевского, точнее, из той необычной интерпретации этого образа, которая возникает в истории Кириллова. Ницше выписывает в рабочую тетрадь фрагмент романа с рассказом

Кириллова о «пяти секундах», в течении которых он испытывает состояние достигнутой гармонии, *радости* — что является знаком раскрытия в человеке божественного содержания: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии... Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда... Это... это не умиление, а только так, радость»²⁹. И через несколько страниц после этой фразы Ницше формулирует свое представление о сути религии, принесенной Иисусом Христом людям: «Царство Небесное — это состояние сердца... а не то, что находится “над землею”»³⁰. В окончательном тексте «Антихриста» эта же мысль выражена так: «"Грех", все, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожен, — *это и есть “благовестие”*. Блаженство не обещается, оно не связывается с какими-нибудь условиями: оно есть *единственная* реальность; остальное — символ, чтобы говорить о нем...»³¹

Таким образом, в самом сложном и важном фрагменте своих рассуждений о христианстве, в интерпретации подлинной сути этой религии, связанной с образом Христа, Ницше равняется на глубокие интуиции Достоевского, и в этом смысле он парадоксальным образом оказывается в гораздо большей степени *христианским* мыслителем, чем «моралист» Лев Толстой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 23. — М., 1935 — 1964. С. 304.

² Там же. С. 307 — 308.

³ Там же. С. 307.

⁴ Там же. С. 343.

⁵ Там же. С. 345.

⁶ Там же. С. 370.

⁷ Там же. С. 382.

⁸ Там же. С. 391.

⁹ Там же. С. 397.

¹⁰ Там же. С. 407.

¹¹ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 13. — М., 2005 — 2013. С. 84.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 17 — 18.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 92. Ср. у Толстого: «...церковное учение, несмотря на то, что оно назвало себя христианским, есть та самая тьма, против которой боролся Христос и велел бороться своим ученикам» (Толстой Л.Н. В чем моя вера? С. 437).

¹⁶ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887 — 1889 гг. С. 98.

¹⁷ Там же. С. 101.

¹⁸ Толстой Л.Н. В чем моя вера? С. 330 — 331.

¹⁹ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 гг. С. 99. Ср.: Толстой Л.Н. В чем моя вера? С. 447 – 448.

²⁰ Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. В 2 т. – М., 1990. С. 663.

²¹ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887 – 1889 гг. С. 107.

²² Толстой Л.Н. В чем моя вера? С. 331

²³ Там же. С. 438.

²⁴ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887 – 1889 гг. С. 97.

²⁵ Там же. С. 101 – 102.

²⁶ Нужно отметить, что в своей критике исторического христианства Ницше мог опираться на еще один источник, помимо книги Толстого. Очень похожая критика, с подробным указанием на негативную роль ап. Павла в искажении истинного учения Иисуса Христа, содержится в работах И.Г. Фихте «Основные черты современной эпохи» и «Наставление к блаженной жизни» (они представляют собой две части цикла лекций, прочитанных Фихте в Берлине в 1805–1806 гг. и излагающих его позднее религиозно-философское учение). Поскольку эти работы были достаточно хорошо известны в России, выглядит вполне вероятным их косвенное влияние на складывание религиозного учения Толстого. В то же время их влияние на религиозное учение позднего Достоевского является почти очевидным (подробнее см. в книге: Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). – СПб., 2012. С. 326 – 389).

²⁷ См.: Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 1. – СПб., 2006. С. 332.

²⁸ Подробнее см.: Евлампиев И.И. «Посюсторонняя» религиозность Ф. Достоевского и Ф. Ницше (К вопросу о религиозном содержании неклассической философии) // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 121–132.

²⁹ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 гг. С. 137; ср.: Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. – Л., 1971 – 1990. С. 450.

³⁰ Ницше Ф. Черновики и наброски 1887 – 1889 гг. С. 144.

³¹ Ницше Ф. Антихрист. С. 658 – 659.

Аннотация

Рассматривается влияние, которое книга Л. Толстого «В чем моя вера?» оказала на взгляды Ф. Ницше. Анализируются выписки из этой книги, которые Ницше делал в своей рабочей тетради, и их отражение в его трактате «Антихрист». Показано, что после прочтения книги Толстого Ницше стал позитивно оценивать учение Иисуса Христа, а историческое христианство он стал понимать как радикальное искажение этого учения.

Ключевые слова: Л. Толстой, Ницше, «В чем моя вера?», «Антихрист», учение Иисуса Христа, историческое христианство.

Summary

It is considered the impact that Leo Tolstoy's book «What I Believe» has had on the views of Friedrich Nietzsche. Extracts from Tolstoy's book that Nietzsche wrote in his workbook and their reflection in his treatise «The Antichrist» are analyzed. It is shown that, after reading Tolstoy's book, Nietzsche began to evaluate positively the doctrine of Jesus Christ and he began to realize that historical Christianity is radical distortion of that doctrine.

Keywords: Leo Tolstoy, Nietzsche, «What I Believe», «The Antichrist», doctrine of Jesus Christ, historical Christianity.